

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Со времен Петра Яковлевича Чаадаева «мыслящая часть российского общества» ведет неухающий спор на тему: что такое Россия? – Европа или Азия, или, может быть, Евразия? В сущности, вся эта дискуссия связана с проблемой модернизации или, если угодно, европеизации (вестернизации) России.

Четыре года назад из печати вышел большой трехтомный труд Александра Янова "Россия и Европа. 1462-1921" (Янов 2005). В нем известный российско-американский историк и политолог развивает мысль о том, в русской истории на всем ее протяжении сосуществуют и борются два институциональных и социально-культурных начала. Одно из них – начало социальной и экономической автономии индивида и равноправного сотрудничества с властью – роднит Россию с Европой. Другое – начало рабства, террора и самодержавного господства над обществом – выталкивает ее из поля европейской цивилизации. Как полагает Янов, вплоть до середины XVI века Русь (несмотря даже на татаро-монгольское завоевание) оставалась органичной частью европейской истории. При Иване III Московское царство пережило свой расцвет, на фоне подъема социальных и экономических сил объединенных восточно-русских земель, активной международной торговли и становления сословной монархии. Затем случилась величайшая историческая катастрофа – «самодержавная революция грозного царя». Она сломала хребет русской истории. Десятилетия беспрецедентного по своей чудовищности опричного террора и бессмысленной, вызванной анти-европейским, изоляционистским поворотом в национальной идеологии, Ливонской войны опустошили Россию экономически. Но еще более важным является то, что они насадили институты и культуру самодержавного деспотизма, цивилизационную изоляцию от мира европейской культуры. Самодержавие (во всех его проявлениях) с тех пор стали

воспринимать как своего рода «судьбу» России. Однако Янов не согласен с этим. Он говорит о том, что другое, не-самодержавное начало не исчезло, и оно заставляет наше общество время от времени предпринимать попытки изменения этого «традиционного» порядка, которые принимают форму европеизации.

Оставляя историкам обсуждение достоверности тех или иных сторон соответствующей научной аргументации, нельзя не согласиться с тем, что вопрос о вестернизации является одним из наиболее фундаментальных вопросов российской истории, начиная с XVII века. Нам кажется, что стремление к вестернизации стало важной составляющей российской социальной и культурной традиции. Это стремление в самых общих чертах можно сформулировать как желание быть современным, как желание жить не в «отсталом», а в «модернизированном», развитом, цивилизованном обществе.

Разумеется, это желание не является специфически русским. Преимущества современного общества на Западе настолько очевидны, что к этой цели сейчас стремится весь мир. Однако далеко не все готовы принять не только цель, но и способы достижения этой цели, выработанные в рамках европейской цивилизации. Эта неготовность заставляет страны и народы искать «обходные пути» в современность, пытаться выработать «самобытные», приспособленные к национальным условиям» программы модернизации. Россия оказалась в группе именно таких стран. Прямой путь в современное общество, предполагающий либеральную демократию и свободный рынок был, по преимуществу, отвергнут. Россия не захотела стать частью Европы, она хотела лишь того, чтобы быть «вровень» с ней – встать на уровень ее промышленного, военно-технического, научного и культурного развития. Именно в этом был смысл первого и одного из самых эффективных модернизационных проектов – петровских реформ.

И все же при всей своей неоднозначности преобразования Петра I, действительно, были мощным рывком к современности. Последующие два

столетия существенно сблизили Россию и Европу. Но расстояние между ними все еще было большим. В начале XX века нашей стране предстояло опять сделать выбор, решить, каким образом продолжать движение к современному обществу – вместе с Западом или своим собственным путем. Это был выбор между демократией и интеграцией в мировую экономику, с одной стороны, и авторитарной деспотией и экономической автаркией – с другой. Не нужно говорить о том, в пользу какой из этих альтернатив склонилась Россия, ведомая волей революционных реформаторов.

Программа «коммунистического строительства» в СССР, а потом и в других странах «реального социализма» воспринималась как альтернативный (по сравнению с Западным) вариант модернизации и развития. 70 советских лет очень изменили российское общество. Каким они его сделали? Многие ответили бы на этот вопрос следующим образом: они сделали его современным. Но едва ли можно удовлетвориться таким простым ответом. Действительно, существовало много вещей, которые объединяли советское общество с обществами на Западе. Но, очевидно, что «капиталистический Запад» и «коммунистический Восток» образовывали два разных мира. Поэтому уместным будет поставить еще один вопрос, – в какой степени советское общество было модернизировано, и вообще, к каким социетальным результатам привел русский путь в современность? Насколько созданный в Советской России общественно-политический порядок можно считать соответствующим институциональной и социально-культурной логике современного общества?

Концепция «анти-современного общества»

На деле так называемая «степень модернизации» любого общества означает очень сложное социетальное состояние, сочетающее в разной пропорции современные, до-современные и анти-современные черты

общественного устройства. В России это сочетание приобрело особенно причудливое содержание. Более трех столетий в драматичных противоречиях любви-ненависти Россия шла по пути к современности. Восхищение социальными и культурными достижениями Запада, его военной мощью и экономической эффективностью уживалось с неприятием внутренней социально-культурной и институциональной логики Западного общества. В результате сложилось такое положение дел, когда заимствованные институты образовали лишь внешнюю сторону общественной организации, своего рода фасад, выдержанный в духе модернизации и скрывающий общество, которое современным назвать можно лишь с существенными оговорками. В действительности, в гораздо большей степени здесь будет уместным другой термин – анти-современное общество.

Анти-современное общество формируется в той ситуации, когда реализация Западной модели модернизации воспринимаются как чуждая по существу, но «полезная», с точки зрения практических последствий ее решения, задача. В условиях такого исторического противоречия создаются альтернативные варианты модернизации, предполагающие институциональные и социально-культурные формы, которые должны как-то «иначе» обеспечить достижение состояния современности. Нужно иметь в виду, что появление альтернативных проектов модернизации никогда не является чисто «технической» проблемой, так сказать, академически поставленным вопросом о том, существуют ли иные, помимо традиционного, варианты «вхождения» в современность.

Альтернативные проекты возникают в контексте той исторической ситуации, которую принято называть «догоняющей модернизацией», когда-то или иное государственное сообщество, обнаруживая свое «отставание» от Запада, стремится наверстать упущенное историческое время. Как правило, такое более или менее вынужденное «столкновение» с Западной цивилизацией

порождает в данном обществе социально-культурное напряжение, своего рода культурный шок. Это значит, что общество не просто «технически» не готово стать современным – оно не хочет принимать чуждые цивилизационные формы. Анти-современное общество – это результат своего рода «бунта против современности» (Lipset 1985). Такое общество становится способом разрешения социально-психологической фрустрации, вызванной, с одной стороны, нежеланием принять западную модель модернизации и, с другой стороны, невозможностью отказаться от задачи построения современного общества.

Таким образом, складывается институциональная и культурная среда, которая по необходимости (а на уровне реформаторского или революционного авангарда и с энтузиазмом), отказываясь от традиционного уклада, пытается «притвориться» современной, как-то приспособиться к новым историческим задачам. Ее черты, применительно к итогам коммунистических преобразований в нашей стране, обобщены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1. Современное и антисовременное общество: сравнение¹

Черты современности	Черты «анти-современности»
Урбанизация	Мобилизационный характер урбанизации (города как конгломераты «заводских поселков»)
Индустриализация	Относительно высокий уровень социальной маргинальности
Определенные успехи в научно-техническом развитии	Относительно невысокий уровень экономического развития и общественного благосостояния
Сравнительно высокий уровень мобильности	Низкий уровень производительности и экономической эффективности в целом
Сравнительно высокий уровень образования	Негативное отношение к инновациям

Создание масштабной системы социальной защиты	Негативное отношение к любым формам общественного плюрализма Акцент на экстенсивном развитии
Создание системы массового политического участия	Низкий уровень государственно-административной эффективности
Формирование обширного комплекса ожиданий по отношению к правительству (государству)	Политическое участие мобилизационного типа Уничтожение гражданских и политических прав и свобод Разрушение гражданской ответственности Разрушение основ гражданского общества Отсутствие системы правления права

«Отказ» от до-современного уклада в любом современном обществе не является окончательным. Но главное в социо-культурной ткани анти-современного общества, как нам кажется, состоит не в сохранении «пережитков» до-современной эпохи, а в деформации заимствованных институтов. Деформированные институты образуют внутренне противоречивую ткань социального действия, в которой заимствованные образцы играют преимущественно формальную роль – становятся лишь поводом для социально-культурной имитации. Именно социальные практики и культура имитационной деятельности и составляют подлинное содержание институтов анти-современного общества.

Таблица 2. Современное и антисовременное общество: сравнение (продолжение)

Компоненты общественной структуры	Современное общество	Антисовременное общество

Деятельность	Сложная	Сложная
Сигналы	Цены и законы	Правила, политика, взятки и личные контакты
Открытость	Прозрачность	От относительной прозрачности до непрозрачности
Правовой уровень	Да	Жесткость, модифицированная неисполнением
Причины и следствия	Прогнозируемые	Непрогнозируемые
Результаты деятельности	Действенные	Недейственные
Эффективность	Да	Нерегулярная

Источник: Rose 1999.

Историческое движение – это процесс, конечные цели которого не очень ясны. Следовательно, современное общество не является неким мифом о светлом будущем. Идея модернизации характеризует доступный человечеству в настоящее время способ оптимизации условий существования людей. И любое общество в наши дни располагает доступом к набору институциональных и социо-культурных практик, позволяющих ему успешно и сравнительно быстро модернизироваться. Поэтому анти-современное общество – это исторический диагноз, но вовсе не смертный приговор. Говоря о преобладании анти-современной (а значит и анти-европейской) тенденции в российской истории, мы вовсе не имеем в виду того, что Россия никогда не сможет воспользоваться преимуществами более эффективного и гармоничного способа общественного развития. Более того, необходимо подчеркнуть, что в нашей стране существует богатый опыт подлинной модернизации. Мы можем указать на своего рода цветущие исторические анклав, связанные с деятельностью отдельных лиц, социальных групп, институтов, которые действовали не в контексте анти-

современной социальной имитации, а в условиях живого, творческого созидания институтов, созвучных цивилизационной логике современного (Западного) общества.

Но, к сожалению, не эти анклавы успешного движения к современности задают тон в русской истории, особенно в истории XX века. Облик России на рубеже третьего тысячелетия задает опыт коммунистического модернизационного эксперимента. Именно он до предела сгустил анти-современную атмосферу в российском обществе.

Институциональная логика советского режима: верховная власть и бюрократия

Внутреннюю противоречивость анти-современной институциональной системы коммунистической России можно истолковать в терминах разрыва между структурами формальных, декларативно принятых институтов и неформальных институтов, существующих в виде сложных и многообразных практик политического патронажа, коррупции, теневой экономики и иных сетей клиентелистского взаимодействия (Lauth 2000). Формальные институты в контексте анти-современного советского общества носили преимущественно фиктивный характер, и только невнимательному наблюдателю они могли показаться реальной фактурой общественной жизни. Подлинная общественная реальность в гораздо большей степени была связана с функционированием неформальных институтов. Система неформальных институтов, с одной стороны, позволяла трансформировать (и освоить таким образом) чуждые формы социального действия в духе привычных способов поведения и общения, а с другой – помогала снизить общественные и индивидуальные издержки, вызываемые недействительностью формальной структуры, построенной на основе отвлеченных марксистских принципов.

Одним из наиболее ярких проявлений анти-современного характера коммунистического общества была организация системы государственного управления. Замысел этой системы скрывал существенное противоречие. С одной стороны, тоталитарный проект общественных преобразований предполагал формирование максимально централизованной структуры общественного взаимодействия. Централизация в этом случае должна была стать неизбежным следствием устранения институтов рыночного регулирования экономики, политического плюрализма, иных форм автономного социального действия. Координация работы такой общественной структуры требовала создания беспрецедентной по своим масштабам системы публичного управления, которая и должна была сыграть ключевую роль в осуществлении проекта коммунистической модернизации. С другой стороны, коммунистическая теория включала в себя неясное положение о том, что государство (как машина классового господства и подавления) в новых условиях исчезнет. Предполагалось, что освобожденное от социально-экономических противоречий капитализма, пронизанное духом нового гуманизма и революционного энтузиазма общество «естественным» образом, спонтанно найдет необходимые формы самоорганизации и самоуправления.

На отвлеченно идеологическом уровне существовало стремление устроить систему государственной администрации в духе прорыва к современному обществу – на рациональных началах «научного менеджмента» и планирования. Этот мотив стал неотъемлемой частью советской административной идеологии (или мифологии) и в 60-е годы пережил свое возрождение на фоне лозунгов «научно-технического прогресса» и т.п. Разумеется, все это модернизационное прекрасное имело мало общего с действительным положением дел. В реальности тоталитарная программа общественных преобразований привела к тотальному огосударствлению

общественной жизни, к формированию традиционной для России бюрократической системы и бюрократизации общества в целом (Ryavec 2003).

Основными политическими характеристиками коммунистической бюрократии были полная подчиненность политическому руководству и отсутствие всякого гражданского контроля над ее деятельностью. В новых исторических условиях были воспроизведены некие, как полагают многие исследователи, архетипические черты российской политической традиции, а именно – доминирование в политической системе двух институтов: персонифицированного политического руководства («Русской Власти») и бюрократии (Пивоваров 2002; Баталов 2002; Шевцова 2004).

В принципе, бюрократии отводилась роль послушного инструмента в руках верховной власти, призванного консолидировать, поддерживать режим ее господства. Однако на деле она приобрела социальные и политические свойства, выходящие за рамки этой задачи. Бюрократия оформилась в подлинно политическое сословие, которому в обмен на лояльность были предоставлены весьма широкие властные полномочия по отношению к обществу. Возникла (вернее, пережила «реставрацию» в советском социально-политическом контексте) сложная система социальной стратификации (так называемая «сталинская рестратификация») и сеть неформальных институтов, которые определяли характер взаимодействия бюрократии и ее политических господ, с одной стороны, а также механизмы внутрибюрократического взаимодействия и «технологии» консолидации ресурсов (своего рода систему «неофеодального кормления») – с другой. Основными компонентами неформальной институциональной структуры в насквозь бюрократизированном советском обществе были политический патронаж, разные формы клиентелизма и коррупции (из обширной литературы на эту тему упомянем: Ledeneva 1998; Lovel et al. 2000; Willerton 1998).

Таким образом, сформировался политический режим, обеспечивающий господство коммунистических лидеров и предполагающий особый порядок политической взаимозависимости, в котором бюрократия являлась ключевой опорой авторитарной верховной власти. Бюрократическая лояльность, в свою очередь, была обусловлена способностью и желанием политического руководства поддерживать «неофеодальный» порядок, предоставляющий бюрократии политические и социально-экономические привилегии.

Горбачевская перестройка как неудачный опыт авторитарного реформирования

Попытка реформ, предпринятая М.С. Горбачевым, подвергла сложившийся режим серьезному испытанию. Горбачев, как известно, принадлежал к той группе советских лидеров, которые полагали, что советскую систему нужно реформировать, придать ей импульс развития, приблизить ее к показателям передовых современных обществ. По сути дела, на повестку дня в очередной раз был поставлен вопрос о программе модернизации. Однако признать, что всякие попытки осуществить этой исторический прорыв альтернативным, не-Западным (анти-современным), а значит и недемократическим, путем являются бесперспективными, означало бы для коммунистического руководства политическую капитуляцию. Поэтому вновь речь шла о модернизации в контексте авторитарной политики, но в каком-то новом, «улучшенном» варианте.

Поиски этого варианта шли в пределах авторитарной либерализации, то есть в направлении мер, которые должны были несколько расширить экономические и политические права граждан. Такие меры, как предполагалось, помогли бы сделать коммунистическую систему более легитимной (политически открытой) и повысить уровень ее социально-экономической и

административной эффективности, не затрагивая ее политических основ. В соответствии с правилами авторитарной модернизации, реализация этой институциональной перестройки была поручена самой бюрократии. Не желая отказаться от основ коммунистической системы, советское руководство, по-прежнему, видело в бюрократии ключевого политического агента. Но бюрократия не была способна решить поставленную перед ней задачу подобного рода. Да она вовсе и не хотела того, чтобы собственными руками разрушить порядок, который обеспечивал ей участие в системе авторитарного политического господства и эффективный контроль над общественными ресурсами. В такой ситуации неизбежным результатом стал раскол между бюрократией и политическим руководством. Целостность режима, посредством которого верховная власть на протяжении многих десятилетий добивалась консолидации своего политического авторитета, была нарушена.

Для политического руководства одним из возможных выходов из создавшегося положения была политика реальной демократизации «сверху». Такая политика устранила бы традиционный режим взаимозависимости верховной власти и бюрократии. Политическое руководство получило бы возможность провести институциональное преобразование общества и в то же время сохранить власть, правда, ценой отказа от коммунистического авторитаризма. Однако коммунистические лидеры не смогли сделать этот выбор в пользу полной открытости. В результате они оказались в крайне противоречивом положении. С одной стороны, сохранение коммунистической системы требовало достижения двух взаимообусловленных (но во многом взаимоисключающих) целей – укрепления ее легитимности и повышения уровня социально-экономической эффективности. Эти цели были трудно совместимы, так как чтобы добиться эффективности, необходима была глубокая институциональная перестройка советской политической и административной организации, что в свою очередь угрожало сохранению сколько-нибудь

приемлемого уровня легитимности. Такое положение не могло не закончиться политическим провалом.

Реформы Горбачева были восприняты бюрократией как угроза ее общественно-политическому положению. Допущение (даже в весьма ограниченных масштабах) экономического плюрализма и политической открытости, ориентация на ценности эффективного управления вступили в противоречие с институциональной логикой ее деятельности. В условиях советской системы проблемы административной эффективности и гражданского контроля над деятельностью бюрократии имели отношение к формальной, внешней стороне системы, своего рода квази-модернизационной оболочке, прикрывавшей анти-современную институциональную «начинку». Поэтому постановка вопроса о необходимости добиваться подлинной социально-экономической и административной эффективности и ответственности бюрократии перед обществом, в сущности, означала выдвижение лозунга о необходимости заменить анти-современную институциональную логику коммунистической бюрократии логикой функционирования действительно современных институтов, устроенных на демократических началах.

В принципе, если попытаться истолковать сложившееся положение в терминах теории коллективного действия, бюрократия могла бы выбрать один из двух наиболее вероятных поведенческих сценариев. Первый – относительно альтруистичный – сценарий включал ориентацию на сотрудничество с политическим руководством и с другими членами бюрократического сословия в целях сохранения основ коммунистической системы и соответствующего политического режима. Он должен был быть связан с определенным (может быть, даже значительным) и носящим солидарный характер самоограничением бюрократии. Это самоограничение должно было затронуть ее политический статус (введение определенных форм, обеспечивающих более высокий уровень

гражданской ответственности) и используемые ею неформальные практики извлечения ресурсов (прежде всего, снижение уровня коррупции). Возможно, что при определенных обстоятельствах это могло бы действительно привести к достижению модернизационных целей и стабилизации режима, хотя бы на некоторое время. Так или иначе, но реализация этого сценария предоставляла единственно возможный шанс сохранить коммунистическую систему (пусть даже в более или менее трансформированном виде).

Второй – эгоистичный – сценарий предполагал отказ от сотрудничества с верховной властью на основе вывода о политической обреченности реформаторского курса, а главное – его абсолютной бесполезности для самой бюрократии. В рамках этого сценария акторы считают рациональным отказаться от логики кооперации и сотрудничества и действовать исключительно в своих собственных интересах, пытаясь в условиях углубляющейся дезорганизации институциональной структуры извлечь максимальную выгоду для себя лично. Такое поведение можно описать при помощи так называемого «эффекта бегства клиентов из банка». Подобный эффект возникает в той ситуации, когда все клиенты того или иного банка стремятся забрать из него свои вклады при первом известии о проблемах, с которыми столкнулся банк. Эти люди считают неразумным потерпеть и дать руководству банка возможность попытаться исправить положение дел. Естественно, такой банк стремительно разоряется.

В реальных условиях позднесоветской истории был реализован второй сценарий. Бюрократия отказалась поддержать реформаторские усилия политического руководства (Solnick 1998). Началось разрушение советского политического режима и коммунистической системы в целом, обусловленное стремительно углублявшимся социально-экономическим кризисом, кризисом неуправляемости и обвалом легитимности, который, в значительной степени, был вызван все возрастающим потоком социально-экономических и

политических требований, нашедших выход в условиях горбачевской либерализации. Итогом этого процесса, как известно, стал август 1991 года.

Постсоветский цикл политического развития: от неопределенности к новому авторитарному проекту модернизации

После распада СССР Россия вступила в период общественно-политической «неопределенности» (O'Donnell and Schmitter 1986, Гельман 1998 и 2000). Поиски способов выхода из этого состояния и составили содержание очередного цикла новейшей отечественной истории. Одна из наиболее существенных характеристик постсоветского общественного развития состояла в том, что повестка дня реформ, инициированных новым руководством, была в значительной степени лишена собственно политической составляющей. Президент Ельцин и его советники основную задачу общественных преобразований видели в том, чтобы трансформировать экономическую систему, доставшуюся России «по наследству» от СССР, осуществить переход от командной экономики к экономике рыночного типа. Задача целенаправленного выстраивания институтов демократической политики была, по сути дела, проигнорирована. Таким образом, Борис Ельцин потерял исторический шанс изменить логику российской институциональной традиции на рубеже коммунистической и пост-коммунистической эпох, в точке «сочленения» периодов российской истории².

Здесь не место подробно говорить о том, почему это произошло. Возможно, в том, что задача экономических преобразований была выдвинута на первый план, можно видеть традиционно «экономический» (то есть ориентированный, прежде всего, на достижение внешних материальных результатов) уклон любого реформаторского (модернизаторского) проекта в России. Еще более весомым объяснением будет фактор преемственности

элитных групп в условиях российского перехода. Слабость доперестроечной оппозиции и относительная скоротечность разложения советской системы обусловили то, что в новой России политическое руководство было сформировано, главным образом, за счет выходцев из реформаторского крыла партийного руководства и партийной интеллигенции. Эти люди не стремились к радикальным политическим реформам, которые, как предполагалось, должны были произойти как бы сами собой, в результате крушения старых коммунистических институтов, экономических перемен и общей либерализации, связанной с предоставлением широкого круга политических прав и свобод. По-настоящему насущной политической задачей виделась только одна проблема – консолидация режима личной власти президента. Именно с поисками институциональных форм решения этой проблемы, по преимуществу, и были связаны усилия нового политического руководства.

Тем временем, в рамках постсоветской демократизации действительно существовал широкий спектр политических проблем. Одна из наиболее острых в их числе, как отмечают многие исследователи, была так называемая проблема «построения государства». Какое значение термина «государство» в данном случае имеется в виду? Во-первых, новая политическая система должна была быть оформлена в контексте целостного политического сообщества. Во-вторых, в ее рамках должна была сформироваться совокупность эффективных правительственных институтов. Задачи сохранения целостности российского государства и укрепление его административной эффективности могли лечь в основу повестки дня масштабного институционального строительства сразу после августа 1991 года. Такая повестка дня включала бы разработку и принятие новой конституции, проведение выборов парламента и региональных органов власти, выстраивание системы отношений между Центром и регионами, партийное строительство, осуществление комплекса административных реформ и т.п. Очевидно, что уникальные исторические

условия, возникшие в результате неудачи антиреформаторского путча, чрезвычайно облегчили бы реализацию всех этих задач. Но, как мы уже говорили выше, этого не произошло.

Вместе с тем, целый ряд насущных общественных проблем требовал своего разрешения. Нужно было каким-то образом устанавливать отношения между Центром и регионами, и нужно было поддерживать хотя бы минимальный уровень управляемости в публичной сфере. В противном случае общественно-политический кризис, который стал бы неизбежным результатом политической и административной анархии, грозил смести новое руководство. Именно в таком ключе и была воспринята данная проблематика в Кремле. Таким образом, вопрос о политической демократизации и долгосрочном институциональном развитии был подменен вопросом о консолидации режима личной власти президента и его окружения.

В качестве инструмента консолидации была выбрана стратегия поиска компромиссов и заключения сделок между верховной властью и наиболее значимыми политическими акторами – региональными лидерами и элитными группами в регионах, крупным бизнесом («олигархами») и бюрократией. В общем, можно говорить о том, что такая политика оставалась в рамках модели квази-демократической либерализации, которая до поры до времени значительной частью массовой публики и даже большинством экспертного сообщества воспринималась как действительная демократизация. Результатом применения такой стратегии стал чрезвычайно шаткий баланс сил, непрочность которого стала более чем очевидной в последние годы второго президентского срока Бориса Николаевича Ельцина. Политическая неустойчивость сложившегося режима дополнялась и низким уровнем его социально-экономической эффективности.

Финансовый кризис 1998 года отчетливо выявил все эти напряжения. Основным содержанием общественно-политической дискуссии стала

проблематика «сохранения российского государства», преодоления центробежных тенденций и административного бессилия. Именно в этой ситуации возникает фигура Владимира Владимировича Путина. Неподготовленность его появления обусловило постановку знаменитого вопроса о том, «кто же такой мистер Путин»? Этот вопрос мог быть отнесен не только к обстоятельствам его личной жизни, перипетиям карьеры и особенностям личностного склада, но также и к вопросу о том, принес ли он с собой какое-то особое видение общественного и политического развития России.

Вначале представлялось, что, возможно, новый президент является более или менее пассивным носителем определенного электорального образа, составленного политтехнологами из старой кремлевской команды в терминах общественных ожиданий о «порядке» в обществе, о преодолении кризиса в отношениях между Центром и периферией и т.п. Однако со временем, как нам кажется, определились черты политической философии, исповедуемой нынешним политическим руководством России. Впрочем, термин «политическая философия» употребляется здесь с большой долей условности. Скорее, следует говорить о некоей «ментальности», то есть совокупности социальных и политических убеждений и эмоций, которая, не будучи сколько-нибудь отчетливо осознана и артикулирована, тем не менее, задает общие рамки поведения носителей верховной власти и общий вектор политического развития российского общества. Наиболее значимыми компонентами этой ментальности являются идея «укрепления или восстановления российского государства», стремление к тому, чтобы ускорить социально-экономическое развитие (удвоение ВВП и т.п.), войти в круг развитых стран Западной демократии (членство в «Большой восьмерке», антитеррористический союз с Америкой и т.п.), вернуть России былую военную мощь и политическое значение в мире.

Все эти весьма неопределенные и подчас противоречивые лозунги, по существу, представляют собой ничто иное, как попытку сформулировать еще один модернизационный проект. Здесь мы не будем подробно говорить о содержании и качестве этого проекта. Отметим только две вещи. Прежде всего, следует сказать, что этот проект выдержан в традиционном для России анти-современном духе. Во-вторых, нас будет интересовать выбор политической стратегии его реализации.

Б.Н. Ельцин и его советники, как мы уже говорили, во многом игнорировали политические задачи демократизации. Тем не менее, негативные последствия этой политики, были поставлены на счет демократии. Путин, в принципе, имел возможность выбрать вариант осуществления подлинной демократизации, в соответствии с положением о том, что лучшее лекарство от общественных недугов, вызванных недостатком демократии – это демократия в еще больших дозах. Некоторые наблюдатели были склонны рассматривать его деятельность в течение первых двух лет после триумфального избрания в 2000 году именно как период преодоления негативных последствий ельцинского периода, необходимый для того, чтобы вернуться к задачам демократизации на новой, более стабильной основе. Однако достаточно быстро стало очевидным, что Путин выбрал другую – авторитарную – стратегию развития. При этом основная политическая задача предшествующего периода – поддержание режима персонифицированной власти – стала задачей и нового президента.

Авторитарный политический поворот повлек за собой определенные перемены в организации режима верховной власти. Второй российский президент отказался от политики шаткого равновесия, существовавшего в контексте институциональной неопределенности и поддерживаемого практикой сделок и компромиссов с широким кругом политических акторов. В.Путин вернулся к более традиционному для России способу консолидации власти,

предполагающему жесткую политическую централизацию и опору на бюрократию.

Ведущие политические «игроки» эпохи Б.Ельцина – «олигархи» и региональные лидеры – не вписывались в структуру нового режима верховной власти. Для него вновь единственной опорой, союзником и инструментом воздействия на общество стала бюрократия. В структуре ельцинского режима бюрократия была второстепенным актором. Впрочем, и в этом качестве она сумела сохранить важные социальные и экономические позиции в жизни российского общества. Во многом это произошло благодаря тому, что не была затронута та неформальная институциональная ткань, которая, в свое время, обеспечивала политическое влияние и материальное благополучие советской бюрократии. Более того, в условиях переходной экономики, а также отсутствия сколько-нибудь эффективных стратегий строительства политических и административных институтов демократического типа неформальная институциональная структура, составленная отношениями патронажа, клиентелизма и коррупции, стала еще более масштабной и всепроникающей (Афанасьев 1997 и 2004, Ledeneva 1998).

Путинский проект авторитарной модернизации возвращает бюрократии особый общественно-политический статус – статус, определяемый логикой ее традиционных отношений с верховной властью и обществом. Устранение «олигархов» и возрастающее давление на региональных лидеров делают бюрократию чрезвычайно важным игроком на политическом поле. Это открывает ей еще более широкий доступ к механизмам контроля над экономикой, поскольку, как известно, особый тип российского капитализма предполагает прямое конвертирование власти в богатство (Перегудов и др. 1999).

- ¹Афанасьев М. Клиентелизм и российская государственность. М.: Московский общественный научный фонд, 1997.
- ²Афанасьев М. Российская Федерация: слабое государство и "президентская вертикаль". <http://www.polit.ru/research/2004/10/18/afanasiev.html>, 2004.
- ³Баталов Э. Политическая культура России сквозь призму civic culture// Pro et Contra, 6:2, 2002.
- ⁴Гельман В. Успехи и провалы переходов к демократии: политические режимы российских регионов в сравнительной перспективе – Российский конституционализм: политический режим в региональном контексте. М., 2000
- ⁵Гельман В. Как выйти из неопределенности? – Pro et Contra, 3:3, 1998.
- ⁶Гельман В. Трансформации и режимы. Неопределенность и ее последствия. – Гельман В., Рыженков С., Бри М., ред. Россия регионов: трансформация политических режимов. М.: Изд-во «Весь Мир», 2000.
- ⁷Перегудов С., Лапина Н., Семененко И. Группы интересов и российское государство. М. 1999.
- ⁸Пивоваров Ю.С. Политическая культура и политическая система России: от принятия христианства до петровских реформ.//Мир России. 1993, N1. с.189-218
- ⁹Пивоваров Ю. Русская политическая культура и political culture – Pro et Contra, 6:2, 2004.
- ¹⁰Янов А. Россия и Европа. 1462-1921. М.: Издательство ОГИ, 2005.
- ¹¹Lauth H.-J. 2000. Informal Institutions and Democracy – Democratization, 7:4.
- ¹²Ledeneva A. Russia's economy of favours: blat, networking and informal exchange. Cambridge ; New York: Cambridge University Press, 1998.
- ¹³Lipset S. Consensus and conflict: essays in political sociology. New Brunswick: Transaction Books, 1985.
- ¹⁴Lovell S., Ledeneva A., Rogachevskii A., eds. Bribery and blat in Russia: negotiating reciprocity from the Middle Ages to the 1990s. New York: St. Martin's Press, 2000.
- ¹⁵O'Donnel G., Schmitter K. Transitions from authoritarian rule. Tentative conclusions about uncertain democracies. Baltimore and London: John Hopkins University Press, 1986
- ¹⁶Palmer M. Political development: dilemmas and challenges. Itasca, Ill.: F.E.Peacock Publishers Inc., 1997.
- ¹⁷Rose R. Living in an Antimodern Society – East European Constitutional Review, 8:1-2, 1999.
- ¹⁸Ryavec K. Russian bureaucracy: power and pathology. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield Pub., 2003.
- ¹⁹Solnick S. Stealing the state: control and collapse in Soviet institutions. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1998.
- ²⁰Thelen K, Steinmo S. Historical Institutionalism in Comparative Politics – Thelen K, Steinmo S., Longstreth F., eds. Structuring Politics. Cambridge, 1992
- ²¹Willerton J. Patronage and politics in the USSR. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1992.

¹ Обобщенную модель современных обществ, сформированную на основе обзора обширной литературы по модернизации, см. в Palmer 1997, ch. 2.

² Термин «исторические сочленения» используется в работах, связанных с одним из направлений «нового институционализма» – так называемым «историческим институционализмом» (см.: Thelen and Steinmo 1992). Он означает состояния институциональной неопределенности, которые возникают на сломе исторических эпох и предоставляют возможность формировать новую институциональную перспективу, преодолевая порочный круг зависимости от старой институциональной традиции.